

В. Я. Воробьев

Россия и Китай – дружеское партнёрство

Воробьев Виталий Яковлевич (1944–2017),
ст. науч. сотр. Центра исследования Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

***Аннотация.** Кратко изложена история отношений между КНР и Советским Союзом (Россией), эволюционировавших от откровенной вражды и идеологизированной полемики в 1960-е гг. к нормализации в эпоху Горбачева, доверительному партнёрству и стратегическому взаимодействию на рубеже XXI в. при Б. Н. Ельцине и В. В. Путине.*

Подробно рассмотрена основная проблематика длившихся с 1964 г. по 2004 г. переговоров о делимитации восточного и западного участков границы между Россией и Китаем, завершившихся подписанием и ратификацией документов, обозначивших окончательное разрешение всех пограничных споров и установивших границу на всём её протяжении. Отмечена приоритетность налаживания приграничного сотрудничества России и Китая по максимально широкому кругу вопросов, учитывая тот факт, что вся территория России, включая её Дальний Восток и Крайний Север, является территорией, на которую распространяется новейшая китайская инициатива – «Один пояс, один путь». Разбирается содержание этой стратегической инициативы КНР, её внутриэкономические и внешнеэкономические смыслы. Освещена история военно-технического сотрудничества, укрепления мер доверия и военной разрядки по обе стороны границы, вкратце изложена история создания ШОС и основные концепции её деятельности. В статье поставлен ряд дискуссионных вопросов, касающихся возможных направлений развития российско-китайского сотрудничества в современных внешнеполитических реалиях.

***Ключевые слова:** Россия, КНР, ШОС, стратегическое партнёрство, договора о границе, меры доверия, Новый шёлковый путь, приграничное сотрудничество.*

Инициативы КНР относительно постепенного реформирования международного политического и экономического порядка означают расставание Китая с региональными рамками и выход на глобальный простор.

Такие две соседние ракетно-ядерные державы, как Россия и Китай, сами по себе, характер и масштаб их отношений, уровень и плотность взаимодействия – являют собой один из определяющих факторов современной международной жизни, оказывают ощутимое воздействие на глобальный расклад и соотношение политических сил в мире.

Российская Федерация, обретшая полный суверенитет в 1991 г. после самоупразднения СССР, и КНР, тогда ещё встававшая на траекторию экономического взлёта, наследовали лучшее из опыта нормализации советско-китайских отношений, происходившей в 1980-е гг. после более чем 20-летнего периода острого взаимного противостояния, и ставшей во многом продуктом сотворчества М. С. Горбачева и Дэн Сяопина.

Завершением процесса нормализации советско-китайских отношений принято считать визит советского лидера М. С. Горбачева в Китай и, прежде всего, его встречу с Дэн Сяопином в мае 1989 г. — первым «теневым» лицом в китайском руководстве.

Именно на этой символической встрече формально была принята формула «подведём черту под прошлым и будем торить дорогу в будущее». Впервые она была высказана Дэн Сяопином в феврале того же года в беседе с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе в Шанхае. М. С. Горбачев сказал Дэн Сяопину, что советское руководство рассмотрело предложенную им формулу и полностью согласно с ней. Эта формула и сегодня служит одним из краеугольных камней в основании нынешнего партнёрского формата российско-китайских отношений.

Первые попытки вывести советско-китайские отношения из тупикового и глубоко «промерзшего» состояния, в котором они находились более 20 лет, стали появляться в начале 1980-х гг. Где-то в 1983–1984 гг. был запущен в этих целях специальный двусторонний механизм политических консультаций между СССР и КНР. Две страны прибегли к тактике «малых шагов», приступая к налаживанию контактов и связей, которые довольно скоро превратились в крупные и весомые. Встречи министров иностранных дел на полях сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, стартовавшие в 1984 г., всё явственнее показывали обоюдную заинтересованность в преодолении негативных последствий последних десятилетий и в переходе к новым отношениям между двумя странами.

Советско-китайские отношения начали ухудшаться ещё в середине 1950-х гг. из-за выявившихся разногласий между двумя компартиями касательно оценки основных тенденций развития обстановки в мире (главным образом, по вопросам войны и мира) и методов социалистического строительства (в первую голову — о роли и степени учёта национальной специфики). Сфера разногласий расширялась, они разрастались, усугубляемые личной неприязнью между двумя первыми лицами — Мао Цзэдуном и Н. С. Хрущевым. К началу 1960-х гг. они приняли форму острой и бескомпромиссной межпартийной полемики (в те времена её именовали идеологической), в которую было втянуто всё международное коммунистическое и рабочее движение, что в конечном счете способствовало его резкому ослаблению и с течением времени уходу с исторической сцены.

Взаимные упреки, своей непримиримостью напоминавшие войны религиозных догматов, нарастание разобщённости в межгосударственных отношениях, отягчаемое как бы «неожиданным» выходом на поверхность темы границы, переросли к середине 1960-х гг. в прямое противостояние по всем линиям, при этом участились инциденты на границе. Инициированная в 1966 г. лично Мао Цзэдуном «культурная революция», своей массовостью и разрушительностью охватившая всю страну, показала, что ухудшение отношений с СССР, разрыв с КПСС были целенаправленным курсом «великого кормчего». Путём конфронтационного отдаления от Советского Союза и выхода из тени КПСС он решил не только по-своему преобразовать Китай, но и сделать его абсолютно самостоятельной и независимой международной величиной, ведущей собственную политическую игру. Наиболее показательным стало предание Китаем забвению союзного договора с СССР, заключённого по настоянию Мао в январе 1950 г. (денонсирован КНР в 1979 г.), и признание КНР со стороны США, повлекшее за собой резкое усиление роли и значения Китая в глазах Запада, подыгрывавшего амбициям Мао и его антисоветскому курсу. Такой внешний маневр-разворот, надо признать, удался Мао, что по сей день ставят ему как заслугу в Китае, хотя его внутрикитайские «культурно-революционные» замыслы подвергаются суровой критике.

Советское партийно-государственное руководство, стараясь в рамках «холодной войны» не допускать фатальных обострений с Западом, посчитало, что основная опасность от Китая, уже располагавшего первоэлементами ракетно-ядерного оружия и, казалось, непоправимо дезорганизованного «культурной революцией», состоит не только и не столько в идеологическом вызове, сколько в непосредственной угрозе безопасности СССР. Опираясь и на пропаганду, Москва стала создавать столь же бездонно-затратную систему предупредительного противодействия на востоке, как и на западном направлении. В Пекине подобного рода военную активность приняли за действительную подготовку к «усмирению» Китая силовыми методами и ещё более усилили антисоветскую пропаганду, начали спешно наводить порядок в армии, но воздержались от массивной переброски войск к границе с СССР.

Советско-китайская ссора и полный разлад выглядели неутешительно устойчивыми, не открывающими практически никаких оптимистических шансов для исправления ситуации. Тем не менее уход из жизни Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г. и связанное с этим быстрое свертывание

«культурной революции» обозначили переход к новому этапу в жизни Китая — этапу успокоения, раздумий о будущем и выбора путей дальнейшего жизнеустройства. На передний план были выдвинуты созидательные задачи осуществления всесторонней модернизации страны с широким привлечением опыта, инвестиций и передовых технологий извне. За основу организации экономики была взята ленинско-бухаринская схема новой экономической политики, которая в основных чертах остаётся фундаментом и поныне. Её адаптировали к китайским реалиям в дэнсяопиновском ключе — «не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Новый внутренний курс подразумевал, во-первых, постановку во главу угла внешней политики принципа мирного сосуществования, большую сбалансированность связей с ведущими державами мира, выравнивание отношений с соседними странами, что потребовало деидеологизации внешней политики.

Так складывались предпосылки для нормализации советско-китайских отношений, чему способствовали в свою очередь устранение идеологических факторов в советской внешней политике, её рационализация в середине 1980-х гг., особенно с утверждением на первых ролях М. С. Горбачева.

Нормализация означала перевод отношений в чисто межгосударственную плоскость, что избавляло их от искусственных критериев и оценок, открывало значительное пространство для гибкости, позволяло легче «развязывать весьма тугие узлы» проблем. Нормализация двусторонних отношений также означала и целенаправленное изменение общей атмосферы в каждой из стран, формирование в них благоприятного общественного климата для расставания с наследием прошлого.

Проявив высокую прозорливость и большое государственное чутьё, руководители новой России и Китая осознанно и последовательно осуществляли курс на сближение двух стран во всех сферах, на углубление доверия и укрепление добрососедства. В процессе предпринимаемых совместных усилий, по мере динамизации связей и контактов, наполнения их всё большей содержательностью, между Россией и Китаем начали складываться отношения нового типа. Официально в 1996 г. они были квалифицированы как отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, каковыми они остаются и поныне.

Эта формула в первоначальном виде была предложена президентом России Б. Н. Ельциным в 1996 г., направлявшимся в Пекин с официальным визитом. На борту самолёта при просмотре уже подготовленных документов он высказался за то, что было бы уместным зафиксировать ёмкую и чёткую характеристику складывавшихся отношений с прицелом на будущее. Он утвердил составленную тут же фразу — «доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие, обращенные в XXI век», которая была направлена в Москву для экстренной передачи в Пекин по дипломатическим каналам. До начала переговоров в очень короткий промежуток времени руководство КНР успело рассмотреть эту инициативу и поддержала её. С течением времени формула несколько видоизменилась, но содержательно только обогатилась.

Эта новаторская межгосударственная конструкция получила системное оформление и юридическое закрепление в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном президентом России В. В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. Его историческая значимость состоит в том, что он фиксировал контуры нового типа российско-китайских отношений и при этом создавал заделы на будущее, стимулировал постоянное наращивание многопрофильного взаимовыгодного сотрудничества двух стран, открывал пути не только для учёта, но и для состыковки потребностей и интересов России и Китая, координации их внешнеполитической активности.

Практика последующих лет, опирающаяся на Договор, сделала взаимоотношения России и Китая ещё более стабильными и устойчивыми, добавила им новые серьёзные качественные параметры в вопросах доверия и поддержки друг друга с прицелом на реализацию фундаментальной установки — «навсегда друзья, никогда — враги»¹.

Партнёрская конструкция отношений согласно обоюдным представлениям не является слепком и не предусматривает эволюционирование в сторону военно-политического союза в его традиционно-классическом понимании. Безусловно, характер и качество отношений между странами могут меняться в зависимости от изгибов ситуации в каждой из них или от колебаний внешнеполитической конъюнктуры, прежде всего, от совпадений или различий

¹ Фраза принадлежит бывшему в то время председателю КНР Цзян Цзэмину, она лапидарно и выразительно передает стратегический ориентир взаимных отношений.

в интерпретации партнёрами одних и тех же обстоятельств, оценок благоприятности или опасности их воздействия.

В отличие от классического политического союза, создаваемого государствами подчас искусственно, со строго очерченными целями противодействия и подчинённого таким целям, партнёрство в случае России и Китая формировалось естественно, постепенно создавая основу для сотрудничества, имеющего мирнонаправленную природу, а потому по своей логике оно не повернуто против какой-либо страны или группировки. Вместе с тем партнёрская модель содержит в себе значительный потенциал гибкости, допускает возможность достижения очень высокой степени согласованности партнёров, вплоть до элементов оперативной совместимости, никак не умаляя полного равноправия участников, ни в чём не ущемляя их независимость и самостоятельность во внутренних и внешних делах.

Российско-китайское партнёрство имеет две мощные фундаментальные политические опоры. Причём обе они несут в себе сугубо мирную субстантивную нагрузку. Без них оно просто не могло бы состояться, тем более обрести современный облик, позволяющий обеим сторонам называть достигнутое состояние российско-китайских отношений «наилучшим периодом их существования».

Урегулирование пограничных вопросов

Прежде всего, речь идёт о полном урегулировании пограничных вопросов, доставшихся в наследство от истории. Это далось обеим странам далеко не просто, будь то политически или эмоционально-психологически. Формирование границы, начавшееся еще в XVII веке, было длительным и сложным процессом, наполненным событиями и явлениями, до сих пор неодинаково, зачастую полярно воспринимаемыми и трактуемыми в России и Китае.

Итогом сорокалетних (1964–2004 гг.) переговоров между Россией (Советским Союзом до 1991 г.) и КНР стали три бессрочных межгосударственных документа: Соглашение 1991 г. о границе на её Восточной части, Соглашение 1994 г. о границе на её Западной части и Дополнительное соглашение 2004 г. о границе в районе островов близ Хабаровска. После процедуры ратификации в каждой стране они обрели силу высшего законодательного акта.

Переговоры проходили в три приёма. Первая фаза заняла несколько месяцев в 1964 г. на фоне ухудшения отношений между странами и участившихся стычек на границе, начавшихся в 1960 г. Формально она не была завершена, но после пекинской сессии продолжения в Москве не последовало. По существу переговоры в Пекине носили консультационно-зондажный характер с целью выявления намерений и позиций сторон, поскольку до того тема границы между СССР и КНР не обсуждалась. В этом смысле пекинскую сессию, несмотря на её полемическую заострённость, можно считать достаточно результативной – многие достигнутые тогда рабочие договорённости и методологические приёмы были потом в полной мере использованы сторонами.

Фундаментальный характер имело определение цели переговоров – уточнение прохождения линии государственной границы на всём её протяжении на основе подписанных в прошлом, в основном в XIX в., договоров, хотя стороны квалифицировали их по-разному. Иными словами, существовавшая граница не подлежала коренной переделке, что означало официальное подтверждение признания территориальной целостности обеих стран в тех параметрах, которыми они обладали ко времени начала переговоров. Предметом переговоров была не принадлежность тех или иных территорий, а конкретное рассмотрение положения линии границы на местности, чего не делалось почти 100 лет, прежде всего на участках, где обнаружились явные разночтения (таковых оказалось свыше 30). Было определено, что итогом переговоров должны стать новые договорные документы о границе.

Стороны условились, что на судоходных пограничных реках Амур и Уссури граница будет в дальнейшем проходить по середине их главных фарватеров, что отвечало современной международной практике и принятому несколькими годами ранее в СССР «Закону о государственной границе». На рабочей карте, составленной в 1964 г. переговорщиками, она была в предварительном порядке нанесена красным цветом, правда, следовала линии судового хода, которая не всегда совпадает с серединой главного фарватера.

Эта принципиальная предварительная договорённость убирала двусмысленность толкования и неудобства исполнения Пекинского договора 1860 г., пересмотревшего в пользу Российской империи пограничные статьи Нерчинского договора 1689 г., впервые установившего

границу между Русским государством и Китайской (Цинской) империей. Текст Пекинского договора предписывал вести отчёт земель двух государств от коренных берегов Амура и Уссури, то есть принимал за границу всё полотно реки от берега до берега, не определяя принадлежность многочисленных островов (таким было распространённое тогда правило разграничения по рекам). На приложенной к договору карте, подготовленной российской стороной, граница была показана только одной красной чертой, прижатой к китайскому берегу. Это означало показ пределов соседнего государства – приём, применяемый и в современной картографии. Однако подобное начертание внешне могло создавать впечатление, будто границей является не сама река, а её китайский берег, особенно если закрыть глаза на принципиальное юридическое положение, гласящее, что текст и буква договора имеют однозначно превалирующее значение над любыми приложениями. Карты же всегда служат приложениями, причём их наличие обязательно при подписании договорного акта о границе.

Однако, когда Советский Союз перед лицом опасности японского продвижения к границе с китайского Северо-Востока в начале 1930-х гг. вынужден был взять под контроль и охрану большинства из речных островов, он апеллировал к карте. Со временем эта ссылка «прижилась» и легла в основу советской позиции относительно принадлежности островов, а также отношения к красной черте как к «исторической границе». С таким подходом никогда не соглашались китайские власти, хотя после образования КНР в 1949 г. до начала 1960-х гг. своего мнения они публично не высказывали.

Принятие середины главного фарватера за линию границы – крайне важное решение само по себе, означало не пересмотр, а уточнение прохождения уже существовавшей границы, так как все её базовые ориентиры оставались прежними. Эта договорённость оказалась «подвешенной», подобно другим на переговорах 1964 г., что, как считают, стало одной из причин кровопролитных боестолкновений на границе в 1969 г.

Методологически стороны согласились условно, в целях удобства рассмотрения, разделить границу на две части: Восточную – от Монголии до КНДР и Западную – от Монголии до Афганистана. Более детально успели рассмотреть Восточную часть и совместно подготовить проект описания, а также упомянутую выше рабочую карту, за исключением района островов при впадении Уссури в Амур близ Хабаровска. Недоговорённость по данному району стала предлогом для отказа советского лидера Н. С. Хрущева санкционировать результаты пекинской сессии, что оказалось на руку Мао Цзэду, вынашивавшему уже тогда планы радикального антисоветского разворота под маркой «культурной революции».

Другим приёмом был взаимный обмен топографическими картами согласованного масштаба на Восточную и Западную части границы с нанесённым каждой стороной пониманием прохождения её линии, что позволило составить наглядное представление о реальных контурах разночтений на отдельных участках границы. Подобного рода методологические приёмы применялись и впоследствии.

Вторая фаза переговоров началась в октябре 1969 г. и длилась до 1978 г., причём все заседания собирались в Пекине. Основная часть этой фазы проходила на фоне «культурной революции» с её подчёркнуто антисоветской направленностью. Переговоры возобновились согласно договорённости двух премьеров – А. Н. Косыгина и Чжоу Эньлая – при их встрече в пекинском аэропорту в сентябре 1969 г., когда двусторонние отношения достигли беспрецедентно острой конфронтационности, вызванной во многом спровоцированными китайской стороной боестолкновениями на восточной и среднеазиатской границах весной и летом того года. В силу сложившихся тогда обстоятельств и условий вторая фаза переговоров не могла и не дала каких-либо ощутимых позитивных результатов. Тем не менее переговоры оказались в роли практически единственного на тот момент канала политического диалога между двумя государствами и позволили несколько успокоить ситуацию на границе, выявить вопросы, которые стали темами предметного обсуждения впоследствии, например о военной разрядке на границе.

Третья, заключительная фаза переговоров продолжалась с 1987 по 2004 гг. Она отличалась стремлением сторон к конструктивному рассмотрению вопросов, благожелательному учёту интересов каждой из них, нацеленностью на поиск взаимоприемлемых развязок. Став одним из весомых и зримых показателей нормализации двусторонних отношений, переговоры как бы давали позитивную подпитку процессу нормализации и в то же время получали положительные импульсы от этого процесса.

Сценарно и субстантивно они во многом перекликались с первой фазой переговоров, в значительной мере взяв её позитивное наследие. Общая атмосфера отношений стимулировала вы-

ведение из повестки дня тем, прямо не связанных с деловым и реалистическим рассмотрением вопросов уточнения линии границы, таких как квалификация старых договоров, касающихся установления границы.

К 1991 г. сторонам удалось прийти к единому мнению почти по всей Восточной части границы (исключением опять оказался «хабаровский узел») и условиться подписать соглашение с «окном» или «дыркой», что и было сделано.

Поиск выхода на соглашение по Западной части оказался затруднительным и был продолжен, ибо там обнаружилась большая группа сложностей, главной из которых был вопрос о Памире, где граница ранее не была установлена в договорном порядке, а представляла собой временно определённую линию соприкосновения двух государств.

После самоупряднения СССР в конце 1991 г. среднеазиатские союзные советские республики одновременно стали независимыми государствами, и Западная часть единой советско-китайской границы распалась на четыре сектора: от Монголии до Казахстана (получил название Западной части российско-китайской границы), казахстанский, киргизский и таджикостанский. В целях продолжения переговоров, в чем проявили заинтересованность все три новообразовавшиеся государства, был найден оригинальный выход: сформирована совместная делегация, в которой на равноправной основе участвовали представители всех четырёх из них. Хотя эта делегация выступала на переговорах в качестве одной стороны, каждый участник самостоятельно вел диалог с Китаем, при этом три среднеазиатских государства пользовались документальной базой и консультационной помощью российской стороны как более опытной и компетентной. Подобного рода уникальная конфигурация позволила России в 1994 г. заключить соглашение с Китаем о Западной части границы, а всем другим полностью закрыть все пограничные вопросы с ним на протяжении 1990-х гг., найдя взаимоприемлемые решения по всем самым сложным вопросам.

Проблема прохождения границы в районе островов при слиянии Уссури и Амура была наиболее болезненной на всех фазах переговоров. Их государственная принадлежность, равно как и всех других речных островов на пограничных реках, не была установлена, исходя из текста Пекинского договора. Красная черта на приложенной к нему карте ясно показывала, что они не китайские. В России их долгое время называли «ничейными». В конце 1920-х гг. они были взяты под советскую охрану и им дали русские названия, а красную черту стали толковать как договорную линию границы. В Китае их издавна включали в контур имперской территории, они имели свои китайские названия. По Нерчинскому договору 1689 г. Амур и Уссури считались не пограничными, а внутренними китайскими реками со всеми расположенными на них островами. Кроме того, стороны по-разному «читали» местный ландшафт, не сходясь во взглядах на месторасположение устья Уссури, упоминавшегося в Пекинском договоре в качестве одного из ориентиров прохождения границы.

В новой обстановке развивающихся и укрепляющихся отношений стратегического партнёрства Россия и Китай смогли найти нестандартное решение, которое не противоречит договорным установлениям, принципу середины главного фарватера и максимально принимает в расчёт интересы обеих стран. Таким образом, в 2004 г. был успешно завершён 40-летний переговорный марафон. К 2008 г. российско-китайская граница была демаркирована (совместно обозначена на местности) по всей её длине.

Историческая память — феномен устойчивый в объективно сложившихся или преднамеренно навязанных стереотипных воззрениях и весьма консервативный, то есть настороженно, если не враждебно, встречающий иные, поначалу непривычные суждения, новые подходы и ракурсы. Историческая память медленно и трудно поддаётся трансформации. Полная чёткость и взаимно признаваемая определённость относительно прохождения границы, ставшие результатом сорокалетних упорных скрупулезных переговоров (1964—2004 гг.), возникла, пожалуй, впервые за последние 170 лет. В сочетании с зафиксированным в Договоре 2001 г. Совместном заявлении об отсутствии у сторон территориальных претензий друг к другу достигнутые договорённости о границе выступают не только конструктивным вкладом в современные российско-китайские отношения. Это, по существу, новый весомый фактор во всей истории двусторонних отношений в целом, новое позитивное явление в исторической памяти России и Китая, масштабность и значимость которого осознаётся с течением времени.

Три ратификационных соглашения (соответственно, 1991, 1994 и 2004 гг.), уточняющие прохождение линии границы между Россией и Китаем на всем её протяжении примерно на 4 300 км, создают юридически крепкую и достаточную основу для того, чтобы обе стороны

могли на деле превращать российско-китайскую границу из линии, разделяющей две страны, в полосу, соединяющую их, а люди, проживающие по обе стороны границы, могли строить свою жизнь, будучи уверенными в своём мирном завтрашнем дне, налаживать и расширять между собой дружественное общение. Состояние дел на границе всегда уподобляется барометру, чутко реагирующему на любые изменения в общей ситуации двусторонних отношений. Современную картину развивающегося на практике добрососедства можно назвать не просто показателем, а лицом российско-китайского партнёрства.

Проводимая в последние несколько лет первая совместная проверка прохождения границ подтверждает стабильность её положения на местности, как это было определено в ходе демаркационных работ 1994–1998 гг., и спокойную атмосферу на границе, высокий уровень взаимопонимания и эффективность рабочего взаимодействия пограничников, осуществляемого буквально в ежедневном режиме.

Российско-китайское пограничное урегулирование привело к радикальной разрядке в атмосфере двусторонних отношений, содействовало становлению мирного облика самой границы, развитию дружественного взаимодействия и добрососедства между сопредельными регионами, развитию отношений партнёрства между двумя странами в целом. Оно создало прецедент в международном плане и показало пример осуществимости взаимоприемлемого решения на абсолютно равноправной основе самых сложных, чувствительных и болезненных проблем, каковыми обычно являются вопросы границы, при наличии реальной политической воли и обоюдных шагов, нацеленных на формирование обстановки, позволяющей это сделать. Служа одной из основных опор российско-китайского стратегического партнёрства, оно имеет геополитический эффект, добавляя России и Китаю прочности в их международных позициях и уверенности в конкретных действиях на мировой арене.

Приграничное сотрудничество

Уже первые договорённости начала 1990-х гг., приведшие в итоге к снятию с политической повестки дня российско-китайских отношений такого «раздражителя», как споры о прохождении границы, сразу же открыли шлюзы и дали мощный толчок для налаживания и быстрого преумножения связей и контактов между сопредельными российскими и китайскими регионами для преобразования длительное время господствовавших там настроений опаски и острой предубеждённости в доброжелательный интерес, стимулирующий укоренение взгляда друг на друга как на дружественного партнёра [7].

Приграничное сотрудничество уже приобретает для обеих стран стратегически значимый характер. И в России, и в Китае растёт понимание, что без подобного рода широкомасштабного, отлаженного взаимодействия вряд ли можно рассчитывать на успешное выполнение программных долгосрочных задач по модернизационному подъёму и развитию российских восточносибирских и дальневосточных регионов и китайского Северо-Востока.

Конечно, было бы странно уповать только на китайское участие в российских проектах, поэтому, безусловно, необходимо стремиться к страновой диверсификации. Но все же, китайское направление было бы оправданным сохранять в качестве приоритетного. Представляется взаимовыгодным сопряжение упомянутых выше российских и китайских планов, имеющих также политический контекст, для создания весомых активов партнёрских отношений. При осуществлении таких российских экономических проектов, как формирование на Дальнем Востоке «зон опережающего развития», стоит обратить внимание на уроки китайского богатого и постоянно совершенствуемого опыта создания и функционирования разного рода «экономических зон».

Случившееся в 2013 г. беспрецедентное по масштабам наводнение на пограничном Амуре и вызванные в этой связи сложности по охране границы, хотя никаких инцидентов в этот период не происходило, ещё раз убедительно показали, что реки, по которым пролегают границы, являются общим достоянием двух стран и требуют к себе обоюдного согласованного внимания, а также большой слаженности в деле регулирования и их использования.

Дополнительные возможности для развития приграничных регионов двух стран содержит в себе перспектива деятельного включения России в реализацию китайской идеи создания новых современных пространств международного сотрудничества под лозунгом возрождения сухопутного и морского «шёлковых путей». С ними и сейчас продолжают экспериментировать в Китае, изобретают или заимствуют все новые льготные послабления ради привлечения ин-

вестиций и особенно технических инноваций извне с целью ускорения технологической и индустриальной революции страны. Согласно пекинским разъяснениям, вся территория России рассматривается в качестве полноценного участника этой идеи, включая её Дальний Восток и Крайний Север.

Среди прочего, китайская идея ориентирована на улучшение инфраструктурной соединённости разных частей евроазиатского континента, модернизацию имеющихся и прокладку новых скоростных авто- и железнодорожных магистралей на базе суперсовременных технологий и оборудования, интенсификацию использования трассы Северного морского пути для перевозки грузов по маршруту Восточная Азия – Западная Европа и обратно.

Один пояс, один путь

КНР всё явственнее и активнее позиционирует себя как держава с глобальными интересами и целями, на что указывает глобалистско-мессианское философское оформление идеи нового Шёлкового пути, географический ареал её осуществления, охватывающий практически весь Земной шар. Усиление военного строительства Китая обосновывается актуализацией «защиты заморских интересов», которые только возрастают, необходимостью не ограничиваться обороной собственно территории страны. В этой связи примечательно создание первой военной зарубежной базы в Джибути (Северная Африка), чего ранее никогда не делалось в китайской практике, мотивируемое поддержкой участия военных кораблей КНР в международной миссии в Индийском океане для борьбы с сомалийским пиратством.

Глобалистские подходы пронизывают инициативы КНР относительно постепенного формирования международного порядка (Пекин отвергает идею его слома), демократизации процесса и институтов мирового управления, в чем КНР теперь претендует на ведущие роли. Отношения с США всё больше приобретают глобальную проекцию. КНР не скрывает амбиций занять ведущее место в диалоге с США в мировом масштабе, но не пытается убрать США с позиций «сверхдержавы номер один» и заменить собою.

Выдвинутые осенью 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином идеи построения двух «поясов экономического сотрудничества» вдоль древних маршрутов Великого Шёлкового пути (пролегал между Китаем и Западной Европой) и восстановления экспедиций средневековых китайских мореплавателей (через Юго-Восточную Азию до североафриканского побережья Индийского океана), стали одним из лейтмотивов современной китайской внешней политики, символизируя её расставание с региональными рамками и выход на глобальный простор [1].

В философском смысле заявленные идеи призваны показать миролюбивый характер дипломатии «всё более возвышающегося» Китая, его стремление к утверждению повсюду принципов равноправия, открытости, взаимоуважения, общей выгоды.

В практическом плане эти идеи несут в себе двойное значение. Во-первых, внутреннее – социально-экономическое подтягивание северо-западных и юго-западных регионов страны (откуда, как считается, начинались оба пути), заметно отстающих в развитии от модернизационно продвинутой восточной части Китая, и снятие остроты накопившихся экономических проблем в целом. Во-вторых, внешний – дополнительный политический импульс для расширения торгово-экономического взаимодействия Китая с соответствующими странами на фоне вялотекущих процессов в мировой экономике и сокращения объёмов внешнеторгового оборота Китая. Одним из главных посылов называется инфраструктурно-коммуникационное строительство, в котором китайцы заметно преуспели [подр. см. 6].

Китайские руководители в целом продолжают генеральный курс последних тридцати с лишним лет на внутренние реформы экономики с акцентом на расширение рыночных механизмов и внешнюю открытость, учитывая глубокую вовлечённость Китая, занимающего вторую позицию в мире по валовому объёму производства, в глобальные экономические процессы и разделение труда. Такие новшества нацелены в основном на нейтрализацию накопившихся опасных негативных моментов в экономике, возникших в значительной мере из-за увлечения в предыдущие годы сверхвысокими темпами развития, способными повлиять на социальную стабильность в стране.

В центре внимания – обеспечение оптимальных средних темпов (не ниже 6 % в год), оптимизация производственных мощностей в базовых отраслях промышленности, где накопились излишки, повышение производительности труда, которая остаётся в целом весьма низкой. Цель – удержание высокой международной конкурентоспособности китайских изделий и товаров, чего уже по многим позициям не наблюдается.

Китай далек от официального провозглашения политики импортозамещения, хотя на практике такое происходит как бы автоматически. Ему совершенно невыгодны торговые ограничения и санкции (он выступает решительно против). Заинтересованный в притоке иностранных инвестиций в самые передовые отрасли, он предлагает всё новые льготы, продолжает линию на формирование обширных специальных экономических зон внутри страны, поощрительно относится к созданию зон свободной торговли с другими странами.

В этой связи уместно подчеркнуть, что Россия и Китай, их сопредельные регионы, всё ещё весьма слабо соединены наземными транспортными коммуникациями. Достаточно сказать, что на пограничных участках таких крупных рек, как Амур и Уссури, до сих пор нет ни одного серьёзного капитального авто- и железнодорожного мостового перехода. Такая ситуация выделяется на фоне укрепления отношений стратегического партнёрства, стремления обеих стран идти всё дальше по пути наращивания потенциала взаимного общения.

Меры доверия

Другой основной политической опорой российско-китайского партнёрства справедливо можно считать осуществление военной разрядки в районах общей границы. Исторически переговоры по данному кругу вопросов вышли из обсуждений пограничной тематики, но были выделены в отдельное направление в самом конце 1980-х гг. как имеющие своё специфическое содержание, одновременно оставаясь связанными с прогрессом в урегулировании вопросов о прохождении границы.

Существует несколько проектов возведения мостов через Амур. Один из них почти завершён, но пока не доведён до конца российской стороной (Нижнеленинское – Тунцзян, чуть ниже впадения Сунгари в Амур). Подобная ситуация выглядит противоречащей общей тенденции на уплотнение приграничных связей, начинает сказываться на их расширении и вообще на грузоперевозках между двумя странами, особенно в свете идеи президента России В. В. Путина, поддерживаемой в Китае, о поднятии роли Транссибирской железнодорожной магистрали в российско-китайском взаимодействии в рамках реализации концепции нового Шёлкового пути.

Начало переговоров по военной разрядке стало одним из зримых показателей полномасштабности нормализации двусторонних отношений. Они во многом послужили налаживанию стратегического партнёрства. Впервые вопрос о военной разрядке на границе прозвучал в ходе второй фазы переговоров по урегулированию пограничных вопросов (1969–1978 гг.). Тогда это носило форму обвинительных инвектив китайской стороны в адрес Советского Союза, который, по мнению руководства КНР, на тот момент сосредоточил «миллионное войско» вдоль границы, расположил танковые части в Монголии, чем создал «непосредственную опасность для Пекина», нацелил свое ракетно-ядерное оружие на Китай (готовил «ядерную кастрацию» Китая).

Действительно, Москва в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.) была вынуждена пойти на значительное укрепление безопасности страны на восточном и среднеазиатском направлениях в сугубо оборонительных целях перед лицом провозглашения Китаем СССР своим «врагом номер один», его резкого крена в сторону Запада на антисоветской платформе, обостренной конфликтной ситуации на границе, нагнетания враждебности к СССР среди населения, сопровождавшегося призывами «готовиться к войне», и полуанархического состояния китайского общества.

Попытки советских переговорщиков начать диалог относительно военной разрядки не увенчались успехом. Иного и быть не могло в той атмосфере политического разрыва с СССР, которая тогда господствовала в Китае (по этой причине и пограничное урегулирование не могло состояться).

В начале 1980-х гг. новые подходы Москвы по вопросам военной разрядки стали восприниматься Пекином несколько по-иному, хотя конкретный разговор стартовал только в 1989 г. К тому времени нормализация двусторонних отношений стала зримой реальностью, а переговоры о границе набрали конструктивную динамику. В рамках пограничных переговоров имел место первый прецедент мирного сотрудничества между оборонными ведомствами двух стран, который оказался весьма успешным и показал возможность установления продуктивных рабочих контактов в военной сфере. Речь идёт о реализации инициативы китайской делегации на пограничных переговорах о совместном проведении аэрофотосъёмки приграничной мест-

ности, что в те годы осуществлялось в обеих странах только военными ведомствами (эта акция предусматривала залёты специальных самолётов на территорию соседнего государства).

На переговорах по военной разрядке довольно быстро удалось согласовать руководящие принципы будущего соглашения и перейти к детализированной части диалога. Самоупразднение Советского Союза в 1991 г. создало совершенно новую ситуацию. Модель дальнейшего продолжения переговоров была взята такой же, как и на пограничных – совместная делегация России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, с одной стороны, и с другой – Китай. Многие важные подробности мониторинга в развитии обстановки в зоне ответственности будущего соглашения и контроля за его выполнением стали для среднеазиатских государств и для Китая совершенно новым этапом. В конечном счете эту сложность преодолели, как и многие другие большие трудности, естественно присущие переговорам по столь чувствительной проблематике, как военная открытость. По договорённости сторон было решено подписать не один, а два подлежащих ратификации договорных документа: Соглашение 1996 г. о мерах доверия в военной области в районе границы (Шанхай) и Соглашение 1997 г. о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (Москва).

Формально меры по военной разрядке подразумевают две группы вопросов, а именно: меры по укреплению доверия и меры по сокращению вооружений и вооружённых сил в стокилометровых по ширине зонах, тянущихся по обе стороны границ. Фактически же обе группы можно отнести содержательно к вопросам доверия. Отличие просматривается в том, что вторая группа непосредственно касается технически более конкретной детализации цифровых привязок и целевых объектов.

Термин «сокращение» в названии Соглашения 1997 г. имеет как бы инерционный характер, идущий из более раннего советского периода отношений с Китаем. «Разрежение» военного присутствия с обеих сторон происходило на этапе ведения переговоров само по себе. Однако в конечном названии документа оно сохранилось, хотя в тексте речь о сокращениях не идёт и само это слово не используется. Заключённые в 1996 и 1997 гг. два соглашения о военной разрядке дали импульс зарождению пятистороннего сотрудничества («Шанхайская пятёрка»), которое показало востребованность в создании подходящего для таких целей постоянно действующего механизма. В 2000 г. в Душанбе началось оформление соответствующих идей, а в 2001 г. в Шанхае было принято решение о создании Шанхайской организации сотрудничества.

Согласованные верхние количественные пределы численности военных контингентов в зонах ответственности Соглашения 1997 г. остаются неизменными по сей день. Они таковы, что на практике с самого начала не вызвали необходимости уменьшения имевшихся наличных составов, наоборот, они позволяли их увеличивать в оговорённых случаях. То же касалось военной техники, которая может заменяться на новые, более современные, образцы с информированием участников Соглашения. Подобного рода порядок распространяется на перемещения войсковых частей и проведение манёвров. Таким образом, ни отвода войск от границы, ни её «оголения» не требовалось и не проводилось.

Речь шла и идёт о согласовании и поддержании элементов упорядочения и предсказуемости военной деятельности с обеих сторон, обеспечении её большей прозрачности для каждой из них, в том числе путём введения в обиход регулярных встреч представителей на разных уровнях, постоянных каналов связи между соответствующими военными структурами. Всё это призвано не только гарантировать от случайностей, на деле происходит укрепление добрососедских начал и взаимного доверия на местах и в столицах.

Опыт свидетельствует, что уже сам по себе процесс согласования становится своего рода инкубатором и демонстрацией доверия, если, конечно, стороны политически действительно на это настроены.

Военная составляющая всегда является показательным моментом двусторонних отношений, придаёт им ту или иную окраску. В 1980-е гг. процесс нормализации, особенно переговоры по решению пограничных вопросов и по военной разрядке, постепенно, но относительно быстро развернули эту сферу практически на 180 градусов – от привычки военных смотреть друг на друга через прицельные устройства к налаживанию широкого взаимопонимания, получившего уже в начале 1990-х гг. материальное выражение в первых конкретных акциях серьёзного долгосрочного сотрудничества по военно-технической линии. В силу сложности рельефа местности с российской (северной) стороны границы войсковые части объективно могут дислоцироваться на относительно узком пространстве, нередко только вблизи границы. С китайской стороны иная картина местности, позволяющая войскам дислоцироваться более рассредоточено.

Подобное положение сохраняется, что подтверждает ежегодный обмен информационными данными о численности, дислокации и вооружениях военных сил в зоне ответственности упомянутых Соглашений и проведение регулярных взаимных инспекций военных объектов военных сторон, осуществляемых на плановой основе. Общее наблюдение за выполнением двух Соглашений ведёт Совместная группа дипломатических и военных экспертов, которая состоит из представителей пяти стран – подписантов Соглашений. За годы, прошедшие после их заключения, никаких нарушений установленных режимов не отмечалось.

Выработка системы мер доверия на российско-китайской границе, практика их реализации, подобно пограничному урегулированию, имеет не только принципиальное значение для России и Китая. Такая система мер доверия стала образцом перенацеливания военных машин и образов мышления с конфронтационных клише на партнёрский лад. Вместе с тем она подчёркивает важность самой идеи применения мер доверия. Сегодня этот вопрос представляется актуальным для многих мест в мире, в том числе в АТР. При этом очевидно, что меры доверия могут и будут иметь различные модальности и комплексность конкретных обстоятельств.

В настоящее время взаимодействие в оборонной области, включая ВТС, стало мощной составной частью всей конструкции российско-китайского стратегического партнёрства, что в значительной мере определяет её субстантивную часть и позволяет судить о степени политической близости Москвы и Пекина.

Уже на рубеже 1990-х гг. обозначились первые контакты, приведшие к быстрому налаживанию военно-технического сотрудничества между двумя странами на коммерческой основе. Китайская сторона вела себя в этом деле весьма инициативно, даже напористо, что во многом способствовало заключению первого крупного контракта о закупке истребителей Су-27, включавшего подготовку в России китайских пилотов. Большую активность проявлял один из влиятельнейших ветеранов китайской армии генерал-полковник Лю Хуацин (высшее воинское звание в КНР), в начале 1950-х гг. обучавшийся в Военно-морской академии в Ленинграде. С его именем связывают формирование современных авиации и флота, ракетно-космического потенциала Китая. О масштабности его личности свидетельствует заседание в связи со столетием со дня рождения, прошедшее в конце сентября 2016 г. в Пекине, на котором с большой речью выступил председатель КНР Си Цзиньпин.

Шанхайская организация сотрудничества

Разработки и первые шаги по осуществлению соглашений относительно военной разрядки 1996–1997 гг. с равноправным участием Казахстана, Киргизии и Таджикистана наряду с Россией и Китаем породили у пяти государств осознание потребности в слаженных усилиях в целях рассмотрения и решения проблемы региональной безопасности и развития, представляющих общий интерес. Этому способствовало сложившееся у них к тому времени ясное представление (чего не было на Западе до печально известных событий в Нью-Йорке в 2001 г.) о том, что быстро нараставшие нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности, такие как международный терроризм, экстремизм, наркотрафик, транснациональная преступность, не имеют и не признают государственных границ и национальной принадлежности, что парировать и справиться с ними можно только коллективно и скоординированно.

На такой платформе совпадающих точек зрения зарождалось новое международное объединение, официально оформившееся в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества (в качестве учредителя выступил также Узбекистан, не имеющий общей границы с КНР). ШОС – одна из немногих международных структур универсального типа, то есть предназначенных для многопрофильного сотрудничества, выстроена на основе неинтеграционного партнёрства, иными словами, не предполагает формирования наднациональных директивных органов.

Такая «несоюзническая» и «неинтеграционная» особенность ШОС выражает общее мнение шести стран-основателей. Заключенный ими в 2007 г. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве юридически кристаллизует и наглядно демонстрирует сильные стороны партнёрского формата ШОС [5]. Принятая в 2015 г. Стратегия развития ШОС до 2025 г. ставит его дальнейшее развитие и укрепление в качестве своего смыслового ориентира, что воспринимается членами ШОС как преимущество. Высказывания на экспертном уровне о возможности и даже полезности решительной трансформации ШОС в разновидность союза раздаются и в России, и в Китае. Мотивируется такая точка зрения обычно не только внутренними потребностями саморазвития ШОС. Акцент делается на сильном давлении внешних сил

на Россию и Китай, особенно со стороны США, и активизацию деятельности Запада на среднеазиатском пространстве.

ШОС в подобной логике предстает не долгосрочным проектом, исходящим из реализации осознанного желания ряда государств соединить усилия для парирования конкретных угроз нетрадиционного характера и развития многогранного сотрудничества в мирных целях, а, главным образом, как вынужденный конъюнктурный шаг – форма реагирования на военно-политический шантаж извне. В этом контексте реагирование до сих пор носит недостаточный, пассивный характер, но должно стать главным стержнем всей деятельности ШОС, для чего в ней надо целенаправленно и спешно создавать полноценную военную составляющую, ставить эту задачу во главу угла. Иными словами, ШОС следует развиваться не эволюционно, как это было до сих пор, а совершить радикальное субстантивное перевоплощение, стать неким подобием НАТО.

Такие мнения подразумевают полную ревизию всей философии ШОС, заложенной в её базовых документах. Они также не принимают в расчёт политические воззрения и практику ряда государств-членов, считающих форму противостоящих союзов «устаревшей», видящих в них «наследие холодной войны» и ограничение свободы своей внешнеполитической деятельности, принятия важных самостоятельных решений (официальная позиция Китая).

Кроме того, сторонники этой точки зрения словно не замечают, что основной состав ШОС уже вскоре может пополниться такими крупными государствами, как Индия, Пакистан, Иран, а это ставит под сомнение даже саму постановку вопроса о превращении ШОС в военно-политический союз.

Именно формула партнёрства добавляет ШОС авторитетности, обеспечивает инклюзивность организации и привлекательность для внешнего мира, подвигая растущее число государств к тому, чтобы подключаться к её деятельности, вплоть до вступления в основной состав. Странами – учредителями ШОС являются Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан и Узбекистан, в число наблюдателей входят Афганистан, Белоруссия, Индия, Иран, Монголия и Пакистан, партнёры по диалогу – Азербайджан, Армения, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

В какой-то мере в идеологии ШОС просматривается воспроизведение многих моментов, характерных для российско-китайского партнёрства, что неудивительно (показательно, что подписание Договора между Россией и Китаем и создание ШОС произошло в одном и том же 2001 г.). Россия и КНР обоюдно и равно заинтересованы в мире, стабильности и процветании региона Центральной Азии, считающегося геополитической сердцевиной («хартлэндом») всего гигантского пространства Евразии. Подобное совпадение подходов не содержит в себе намерений установить посредством ШОС российско-китайский дуумвират в регионе. Такой образ действий противостоял бы шосовским базовым принципам, соавторами которых были Россия и Китай, философии отношений партнёрства между двумя странами. Он просто обречён на неуспех в силу уже оформившихся внешнеполитических воззрений у центральноазиатских государств, мыслящих категориями самостоятельности и открытости, их многоазимутной поведенческой модели в международном общении.

Центральную Азию отдельные эксперты склонны рассматривать в качестве поля обостряющейся конкуренции России и Китая за господствующее влияние, а ШОС как своего рода дипломатическое прикрытие. В рамках такого подхода подчёркивается логика колониально-гегемонистского типа, которая внешнеполитические намерения стран толкует исключительно как жёсткую взаимную борьбу, а всё остальное выдаёт за внешнее декорирование. Такой подход отбрасывает или, по крайней мере, не учитывает саму возможность того, что каждая страна Центральной Азии, независимо от её политического и экономического веса в мировом измерении, имеет свой голос, хочет и будет отстаивать его, а другие, особенно близлежащие, – уважительно к нему относиться. Конечно, в некоторых экономических проектах Россия и Китай, их деловые и финансовые круги могут оказываться конкурентами, соревноваться за получение того или иного контракта, в том числе сталкиваясь с бизнес-предложениями от других государств. Здесь было бы полезнее думать в направлении того, как и где можно комбинировать и соединять интересы и усилия, в том числе превращать ШОС в площадку для содействия подобного рода начинаниям.

То обстоятельство, что Россия и Китай были и остаются несущими элементами всего «здания» ШОС, идёт только на пользу Организации, является её достоянием, которое важно сохранять. Ведь ШОС по своему происхождению вполне можно считать одним из осязаемых прояв-

лений позитивной эволюции российско-китайских отношений — зримым плодом координации их международной деятельности [2].

Координация точек зрения по международным и региональным делам, включая подготовку совместных или параллельных акций, может быть очень тесной в системе отношений стратегического партнёрства. Совпадение и созвучие мнений России и Китая по преобладающему большинству животрепещущих мировых проблем рельефно проступает в крупных двусторонних и многосторонних (например, по линии ШОС) документах, принимаемых на высшем политическом уровне, в итоговых резюме аппаратных консультаций, регулярно проводимых между заинтересованными ведомствами и структурами, а также имеет место в ООН и в дискуссиях на разного рода международных и двусторонних экспертных и научных конференциях.

Показателен в этом плане ежегодно организуемый Министерством обороны КНР Сяншаньский форум [Xiangshan Forum official site [Electronic resource]. — URL: <http://www.xiangshanforum.cn>]. На последнем его заседании в октябре 2016 г. в Пекине обозначился публичный российско-китайский тандем по многим темам, обсуждавшимся представителями военных ведомств, в том числе на уровне министров и их заместителей, а также научно-экспертного сообщества из нескольких десятков стран. Схожесть позиций ясно проявилась по вопросам, касающимся ситуации на Корейском полуострове и намерении США разместить в Южной Корее антиракетные системы под предлогом сдерживания ракетно-ядерных амбиций КНДР, руководство которой демонстративно не хочет считаться ни с мировым общественным мнением, ни с решениями Совета безопасности ООН.

Вместе с тем партнёрской модели, даже в её самой продвинутой фазе, каковой является российско-китайская в настоящее время, присуща именно сопоставительная координация (она может и должна вбирать в себя прогностические выкладки, становиться всё более развернутой в сторону профилактики и упреждения негативных явлений). Актуальность и острота отдельных проблем, их специфика могут восприниматься и оцениваться каждым из партнёров под своим углом зрения, в чём вовсе не следует усматривать какие-то «подводные течения». Не исключены спорные моменты при согласовании тех или иных формулировок: в переговорной практике такое встречается постоянно. Здесь нередко вперед выступает не содержательная сторона достигнутого взаимопонимания, а лингвистическая и фразеологическая нюансировка её передачи, ибо в любом языке присутствуют своя внутренняя логика и богатство внешних оттенков. Подобные коллизии надо принимать как естественные, не выискивать в них надуманности и преднамеренности «подковёрной борьбы».

Полное слияние мнений, дисциплина единого строя, обязательная и безоговорочная поддержка везде и всюду, даже предположительно, вряд ли возможны между Россией и Китаем с их глобальным размахом интересов, твёрдым пониманием самостоятельного пути в мировом раскладе сил. Попытки искусственно сдвигать российско-китайские отношения в подобное русло могут только бросать тень на характер и качество партнёрских отношений, наносить вред позиционированию двух стран на международной арене.

Эффективность внешнеполитической координации в конечном счёте зависит от глубины политического доверия, транслируемого сверху лидерами стран-партнёров и подпитываемого снизу общественной поддержкой проводимого курса касательно страны-партнёра. Эти два фактора не могут существовать изолированно друг от друга. В России и Китае эти факторы сегодня присутствуют в их постоянно растущем позитивном измерении, что делает российско-китайское взаимодействие стратегически весомым и значимым стабилизирующим элементом в переменной международной ситуации.

Перспективы российско-китайского партнёрства

Комплекс отношений партнёрства как единое целое не имеет свойств монолита, он не является конструкцией раз и навсегда заданной и застывшей в неподвижности. Он словно живой организм, который обладает внутренними стимулами к постоянному саморазвитию и самоукреплению, адаптационными способностями к различного рода воздействиям изнутри и извне.

Будучи новым форматом взаимодействия государств, особенно крупных мировых держав, партнёрство естественно становится предметом анализа в экспертной среде, стимулирующим большое количество различных оценок и суждений как в России, так и в Китае, где модель партнёрства официально используется в современной внешнеполитической атрибутике. Более того, одной из центральных выдвинута задача формирования Китаем всемирной сети партнёр-

ских отношений (на сегодня КНР формализовала подобного рода отношения почти с 80 государствами мира).

Российско-китайское партнёрство вызывает в этом контексте повышенный интерес как с точки зрения упрочения его консолидирующих начал и перспектив соразвития двух стран, так и в силу его серьёзного влияния на мировую ситуацию сегодня и в будущем [3; 4]. Наиболее заметные темы, привлекающие к себе аналитическое внимание в дискуссионном порядке, касаются самых существенных аспектов содержательной наполненности отношений партнёрства.

Следует ли считать российско-китайское партнёрство естественно-логичным состоянием эволюции двусторонних отношений или в нём всё же превалирует фактор внешнего давления,двигающий две страны навстречу друг к другу, иными словами, насколько тактические соображения определяют стратегический смысл партнёрства? Насколько далеко может зайти момент совместности противостояния США, если и Россия, и Китай считают себя главными объектами политики Вашингтона, но видят своё положение визави США не во всем одинаково, имеют различающиеся цели и задачи в том, что касается конкретики практических отношений с этой страной (КНР прогнозирует себя в качестве основного глобального конкурента США, называя отношения с ними синтезом сотрудничества и соперничества, где второе не должно мешать первому)? Каким может быть оптимальное соотношение общности и отличий во взглядах и подходах с тем, чтобы свобода действий партнёров во внутренних и внешних делах не переросла в недомолвки, недопонимание или скрытое соперничество? Какими могут быть роль и место торгово-экономического сотрудничества в системе отношений партнёрства и каким может быть его разумно-рациональная структура и объёмы, если в 2015 г. ВВП России составлял 1/8 от ВВП Китая, и похожая картина может сохраниться на долгий период? Сколь крепкой и надёжной можно считать первооснову партнёрских отношений — деидеологизированную внешнюю политику двух стран на фоне роста в них (в каждой по-своему) проявлений идеологического порядка? Какими могут быть суть и направления эволюции стратегического партнёрства, коль скоро оно является динамичной, а не статичной конструкцией, и нужно ли ставить какие-то крупные подталкивающие движение ориентиры, то есть вносить элементы субъективности, или следует отдать предпочтение объективному процессу совершенствования того, что уже достигнуто?

Приведённые в вопросительной постановке тезисы отражают основные моменты тщательного анализа в Китае российско-китайского партнёрства, которое обычно выделяется как наиболее продвинутое, «образцовое», имеющее «особый характер». В КНР подробно и под разными углами зрения исследуются вопросы, связанные с моделью партнёрских отношений в целом. Предлагается различать несколько типов таких отношений — стратегическое, политическое, деловое. Для каждого типа партнёрства пытаются определить критерии, но в этой работе просматривается больше утилитарный подход, идущий от реальной практики состояния отношений Китая с той или иной страной, что девальвирует и размывает новаторский смысл самого понятия. Показательно, что не исключается перспектива установления партнёрства и с США, отношения с которыми на данном этапе квалифицируются как «сопоставительность», что, по нынешним китайским меркам, не может быть свойственно реальному партнёрству.

В том, что тема российско-китайского партнёрства стала предметом активного обсуждения, не следует усматривать какой-то тревожный сигнал, тем более скрытый смысл. Во-первых, такой ход вещей показывает большой теоретический интерес к теме как к серьёзной новации в международной практике общения национальных государств, на глазах становящейся «новой реальностью». Во-вторых, таким образом формируется возможность составить объёмное и многоцветное представление о понятии и практике партнёрства, позволяющего лучше и чётче разглядеть его сущность, подмечать и подсвечивать те моменты, которые следует обдумывать для учёта в реальных политических процессах, их прогнозирования и выстраивания.

Важно, чтобы российско-китайское стратегическое партнёрство только укрепляло свой дружеский добрососедский характер, ощущалось российским и китайским народами как потребность, воспринималось и ценилось ими как один из решающих факторов обеспечения мирных условий для жизни и созидательного развития, понималось как проявление мощи России и Китая, их авторитета в мире и конструктивного влияния на ход международных событий.

Russia and China: Building a Trustful Partnership

Vitaly Vorobyov (1944–2017),

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Senior Researcher at the Centre for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, MGIMO-University.
76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow. E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Summary. *This brief history of relations between the PRC and the Soviet Union (Russia) traces their evolution, starting with open hostility and ideology-driven debates of the 1960's through normalization during the Gorbachev era, ending with trustful partnership and strategic cooperation at the turn of the 21st century under Yeltsin and Putin.*

The central topic is the negotiations of 1964–2004 for the delimitation along the western and eastern parts of the boundary between China and Russia, which ended with signing and ratifying an agreement resolving all territorial disputes and demarcating the boundaries at their full length. Establishment of cross-border cooperation on a broad range of issues is described as the main priority for both countries, taking into consideration the fact that large territory of Russia including its Far East and Far North is in the scope of the newest Chinese 'One Belt, One Road' initiative. The article analyses contents of this strategic initiative, its domestic and foreign economic implications. The history of military détente between China and Russia and confidence-building measures are described. Brief outline of the history of the SCO as well as the main concepts of its activities are also addressed. Several controversial questions concerning the possible trends of Sino-Russian cooperation in the current international situation are raised in the article.

Keywords: *Russia, China, Shanghai Cooperation Organization, strategic partnership, border treaties, confidence building measures, new silk road, cross-border cooperation.*

Литература/References

1. *Денисов И. Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. – 2015. № 5. – С. 40–54. [Denisov I. E. Jevoljucija vneshnej politiki Kitaja pri Si Czin'pine // Mezhdunarodnaja zhizn'. – 2015. № 5. – S. 40–54; Denisov I. E. Evolution of China's foreign policy under Si Czin'pine // International affairs. – 2015. № 5. – P. 40–54].*
2. *Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. – 2016. Т. 11. № 4. – С. 149–161. [Konarovskij M. A. Rossija – ShOS: nekotorye jelementy strategii // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. – 2016. Т. 11. № 4. – S. 149–161; Konarovskij M. A. Russia – SCO: some elements of strategy // Bulletin of international organizations. – 2016. Т. 11. No. 4. – P. 149–161].*
3. *Лукин А. В. Китай: Опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. – 2007. № 6. – С. 72–94. [Lukin A. V. Kitaj: Opasnyj soсед ili vygodnyj partner? // Pro et Contra. – 2007. № 6. – S. 72–94; Lukin A. V. China: a Dangerous neighbor or a great partner? // Pro et Contra. – 2007. No. 6. – P. 72–94].*
4. *Лукин А. В. Российско-китайские отношения: не ослаблять усилий // Международная жизнь. 2009. № 11. – С. 89–105. [Lukin A. V. Rossijsko-kitajskie otnoshenija: ne oslabljat' usilij // Mezhdunarodnaja zhizn'. – 2009. № 11. – S. 89–105; Lukin A. V. Russian-Chinese relations: to maintain momentum // International affairs. – 2009. No. 11. – P. 89–105].*
5. *Лукин А. В. ШОС: Итоги российского председательства // Международная жизнь. – 2009. № 9. – С. 23–37. [Lukin A. V. ShOS: Itogi rossijskogo predsedatel'stva // Mezhdunarodnaja zhizn'. – 2009. № 9. – S. 23–37; Lukin A. V. the SCO: Results of the Russian presidency // International affairs. – 2009. No. 9. – P. 23–37].*
6. *Лукин А. В., Лузянин С. Г., Ли Синь, Денисов И. Е., Сыроежкин К. Л., Пятачкова А. С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). – М.: Научный эксперт, 2016. 130 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://centero.ru/wp-content/uploads/2016/11/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> [Lukin A. V., Luzjanin S. G., Li Sin', Denisov I. E., Syroezhkin K. L., Pjatachkova A. S. Kitajskij global'nyj projekt dlja Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskij doklad). – M.: Nauchnyj jekspert, 2016. 130 s.; Lukin A. V., Luzjanin S. G., Li Sin', Denisov I. E., Syroezhkin K. L., Pjatachkova A. S. China's global project for Eurasia: the problem statement (an analytical report). – M.: Scientific expert, 2016. 130 p.].*
7. *Lukin A. B. The Image of China in Russian Border Regions // Asian Survey. 1998. Vol. 38. No. 9. P. 821–835.*